

ШИЛЛЕРОВСКИЙ КОНТЕКСТ ОБРАЗА ЛЕНСКОГО В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

А.Б. Криницын

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; derselbe@list.ru*

Аннотация: В герою романа «Евгений Онегин» Ленском отразились две концепции восприятия Шиллера в русской культуре 1820-х годов: «возвышенная», свободолобивая, идеалистическая (как деятеля «Бури и натиска») и «псевдоромантическая», элегическая, восходящая к переводам его элегий и баллад Жуковским. При этом сам Пушкин в «Евгении Онегине», очевидно, их до конца не разделяет, актуализируя при необходимости ту или другую. Проекция обеих в романе варьируется от иронического снижения до сочувственного притяия, что, наряду с их латентным конфликтом между собой, создает диалектическую напряженность образа Ленского. Именно шиллеровские мотивы придают образу глубину.

В черновых вариантах экспозиции образа Ленского гораздо сильнее акцентируется экспрессивность и страстность природы, бунтарство и политическая ангажированность поэта. Но автор при работе над текстом «сдвигает» образ Ленского в сторону мечтательного элегика, сохраняя узнаваемый шиллеровский облик. Описание идеалов Ленского целиком движется в русле философии и творчества Шиллера. В этой связи в статье впервые рассматриваются возможные реминисценции к образу Ленского из стихотворений Шиллера «Надежда», «Мечты», «Дружба», «Торжество любви», «Тайна воспоминания (Лауре)», «Художники», «Счастье», «Идеалы и жизнь», «Беглец».

Спародировав на примере предсмертных стихов Ленского традицию «унылой» элегии, автор неожиданно помещает две похожие элегии в качестве лирических отступлений. Несмотря преобладание в романе байроновского идейно-художественного контекста и кажущуюся иронию Пушкина в отношении шиллеровской традиции, он видел в ней возможный ориентир для развития русской литературы.

Ключевые слова: Пушкин; «Евгений Онегин»; лирика Шиллера; Жуковский; Кюхельбекер; романтизм; жанр элегии; идеализм; образ Ленского; лирические отступления; пародия

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-03-3

Для цитирования: Криницын А.Б. Шиллеровский контекст образа Ленского в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 3. С. 39–55.

SCHILLER'S MOTIFS IN THE IMAGE OF LENSKY IN A.S. PUSHKIN'S NOVEL *EUGENE ONEGIN*

Alexander Krinitsyn

Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia; derselbe@list.ru

Abstract: When creating the image of Lensky, Pushkin combined two concepts of how Schiller was perceived in Russian culture of the 1820s: “sublime”, freedom-loving, idealistic (as a figure of *Sturm und Drang*) and “pseudo-romantic”, elegiac, dating back to translations of Schiller’s elegies and ballads by Zhukovsky. At the same time, Pushkin himself in *Eugene Onegin*, obviously, does not completely separate them and does not oppose them, updating one or the other if necessary. The projection of both in the novel ranges from ironic reduction to sympathetic acceptance, which, along with their latent conflict with each other, creates a dialectical tension of Lensky’s image. It is Schiller’s motifs that give this image depth.

In the draft versions, the exposition of Lensky’s image, the expressiveness and passion of his nature, rebellion and political engagement of the poet are much more strongly emphasized. But the author, while working on the text, “shifts” the image of Lensky towards a dreamy elegiac, while maintaining a recognizable Schiller appearance. The description of Lensky’s ideals moves entirely along the lines of Schiller’s philosophy and creativity. In this regard, the article for the first time examines possible reminiscences to the image of Lensky from Schiller’s poems “Die Hoffnung”, “Die Ideale”, “Die Freundschaft”, “Der Triumph der Liebe”, “Das Geheimnis der Reminiscenz. An Laura”, “Die Künstler”, “Das Glück”, “Das Ideal und das Leben”, “Der Flüchtling”.

Having parodied the tradition of “dull” elegy on the example of Lensky’s dying poems, the author unexpectedly places two similar elegies as lyrical digressions. Despite the predominance of the Byron ideological and artistic context in the novel and Pushkin’s apparent irony in relation to the Schiller tradition, it represented for him a possible reference point for the development of Russian literature.

Keywords: Pushkin; *Eugene Onegin*; Schiller; Zhukovsky; Kuchelbecker; romanticism; elegy; idealism; the image of Lensky; lyrical digressions; parody

For citation: Krinitsyn A. (2024) Schiller’s Motifs in the Image of Lensky in A.S. Pushkin’s Novel *Eugene Onegin*. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 39–55.

В «Евгении Онегине», отражая важнейшие ориентиры развития русской мысли и литературы, Пушкин изображает, наряду с главным героем-байронистом, его друга и оппонента — шиллерянца Ленского, хотя сам был от «немецкого влияния» относительно далек. Тем не менее фигура Ленского — одна из ключевых в романе, обнаруживающая отношение Пушкина к Шиллеру и особенности восприятия Пушкиным его творчества, которое оказывается достаточно сложным — не случайно образ Ленского показан и с шутливой иронией, и сочувственно, и трагически.

Влияние творчества Шиллера на русскую литературу началось еще при жизни поэта в XVIII веке, когда его читает Радищев, переводит Державин.

В силу многозначности творчества Шиллера (ввиду как его разноплановости, так и значительной эволюции) все поколения (с 1800-х до 1870-х гг.) и внутри них различные идеологические группы могли найти у немецкого «владельца дум» нечто близкое себе, чтобы поднять его на свое «знамя». С художественной стороны Шиллер был значим и приверженностью *классицизму* (идеализация Древней Греции в многочисленных стихах, подражание античной трагедии в «Мессинской невесте»), и сугубо *романтическим* мировидением (тоска по идеалу, двоемирие, см. напр., “Sehnsucht”, “Das Ideal und das Leben”), и прорывом к *реализму* («Коварство и любовь», «Лагерь Валленштейна»). С содержательной стороны востребованы были и *остро социальная проблематика с революционным пафосом* (в «Разбойниках», «Вильгельме Телле»), и идеология *либерального космополитизма* (у маркиза Позы в «Дон Карлосе»), и возвышенный *идеализм с культом красоты и искусства* (ода «Идеалы»). *Религиозная философия* («Философские письма», ода «К радости») сочеталась у Шиллера с *бунтом против Провидения* (“Resignation”) и *антихристианскими пассажами* («Боги Греции»).

Пушкин слышал о Шиллере, конечно, еще будучи в Лицее. Напомним, что поклонником немецкого поэта был в то время его друг Кюхельбекер. Но решающую роль в ознакомлении Пушкина с творчеством Шиллера, несомненно, сыграли Карамзин и Жуковский.

Карамзину ближе было вольнолюбивое понимание произведений Шиллера, распространенное в стенах Московского университета или в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств (имеются в виду переводы Мерзлякова, Батюшкова, Востокова, Милонова и т. д. [Фукс-Шаманская 2009]). В «Московском журнале», на страницах «Писем русского путешественника» имя Шиллера появлялось при рассказе о «Дон Карлосе» и «Заговоре Фиеско в Генуе». По словам «русского путешественника», он пленялся «привлекательными мечтами» Шиллера в революционном Париже.

Большое количество шиллеровских стихов печатается в журналах. Многократно переводились, в частности, ода “An die Freude”, “Die Ideale”; “Resignation” Шиллера публиковалась тогда в широко читавшихся журналах «Талия» и «Немецкий Меркурий».

Гимн «К Радости» рассыпался мотивами по всей лирике молодого Карамзина («Ода на счастье», «К милости» и т. д.). Этот гимн выходит сразу в нескольких вольных переводах и порождает множество подражаний, каковыми считаются и «Певец во стане русских воинов» Жуковского [Данилевский 2013: 129–130], и «Вакхическая

песня» Пушкина¹. В Дружеском литературном обществе стихотворение стало чем-то вроде гимна. Дневники Андрея Тургенева за 1797 и 1799 гг. открываются строфами из него: “Festen Muth in schweren Leiden” («Стойкость духа в тяжких страданиях») и “Männerstolz vor Königsthronen” («Гордое мужество перед королевскими тронами»). К стиху “Ewigkeit geschwornen Eiden” («вечность принятых клятв») летом 1799 г. сделана приписка: «также и нашей» [см. Данилевский 2013: 98].

В 1809 году Шиллера начинает переводить Жуковский. В издаваемом им «Вестнике Европы» появляются переводы почти всех баллад Шиллера. Мотивы Шиллера становятся заметны и в оригинальной лирике Жуковского, например в элегии «На кончину королевы Виртембергской».

В переводах Жуковского Шиллер предстал прежде всего элегическим, меланхолическим лириком. Это сказывалось в самом выборе стихотворений для перевода («К Минне», «Юноша у ручья», «Жалоба девушки», «Амалия», «К Эмме»), утонченных по психологизму и строящихся на мотивах утраты, разлуки и мечтаний. Мелодизм стиха приближал эти переложения к типичным для самого Жуковского жанрам песни и романса. Такого рода напевность была мало свойственна оригинальной поэзии Шиллера², для которого характерны многостопные размеры, риторичность, а также усложненность синтаксиса, философская насыщенность языка. У Жуковского возобладало «чувствительное, смягченное прочтение шиллеровской лирики и прозы. Не бунтарь наподобие Карла Моора, а тончайший психолог — повествователь о движениях души, более поэт-философ, нежели гражданин, прежде всего элегический “певец” — таким стал Шиллер под романтическим (в русском понимании) пером Жуковского» [Данилевский 2013: 125]. По мнению Л.Я. Гинзбург, «[э]стетическая доктрина “Московского вестника” восходит к Шиллеру...» [Гинзбург 1974: 187].

Благодаря таланту Жуковского как переводчика-интерпретатора, образ Шиллера трансформировался из идеолога *Sturm und Drang* в романтика. Н. Полевой прямо указывал, что Жуковский «ввел в поэзию русскую одну из новых идей романтического — безотчетную мечтательность Шиллера» [Полевой 1839: 148]. Такое восприятие, хотя и имело тематическое основание в выбранных для перевода Жуковским стихах, тем не менее очевидным образом сужало и даже искажало общее представление о творчестве Шиллера, для

¹ В частности, это отметил Белинский в статье 1841 года «Разделение поэзии на роды и виды».

² «У Шиллера звуковая образность занимает положение подчиненное, у Жуковского она выходит на передний план» [Эткинд 1973: 83].

которого в большинстве случаев характерно философски отчетливое мышление, побуждающее четко формулировать даже свои «мечты», не допуская ничего «неясного» или «туманного». Точно так же тоска по идеалу (скорее внутренняя духовная неудовлетворенность) не отменяет активной позиции Шиллера как идеолога и просветителя (ср. отчаянную решимость переплыть бурный поток, отделяющий поэта от «райского острова» в стихотворении “Sehnsucht” — «Желание» в пер. Жуковского). Это сильно отличается от ставшего основной темой Жуковского томления по идеалу, которое уводит поэта в потусторонний мир (ср. «Теон и Эсхин»).

В 1824 году в альманахе «Мнемозина» появляется статья Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие», где последний резко выступал против возобладавшей, по его мнению, в русской поэзии элегической традиции, подражательной Западу и приравниваемой к «романтизму». «Антигероями» статьи назначались, прежде всего, Жуковский, а также Пушкин и Баратынский. Жуковский же, по Кюхельбекеру, в своих элегиях следовал главным образом Шиллеру: «Жуковский первый у нас стал подражать *новейшим* немцам, преимущественно Шиллеру». Таким образом, Шиллер для «архаиста» Кюхельбекера становился типичным европейским «элегиком»³, а далее дерзко объявлялся (вместе с Байроном!) неоправданно переоцененным.

Пушкин отнесся к этой статье серьезно и признал ее правоту в критике шаблонов элегической традиции [Тынянов 1968: 102–104], но отверг призыв вернуться к высоким жанрам классицизма. Мы помним, что отступление о статье Кюхельбекера вводится при упоминании о «текущих рекой» элегиях Ленского. Это подтверждает, что Пушкин, вслед за Кюхельбекером, прямо связывал Шиллера с переводами Жуковского и элегической традицией, что и повлияло на формирование образа Ленского, особенно в сочиненной от его имени предсмертной элегии.

Однако Пушкин мог воспринять творчество Шиллера не только в переводах Жуковского (в меньшей степени Батюшкова), но и многочисленным французским переводам. Тогда круг произведений значительно расширился. Пушкин должен был представлять себе и Шиллера «Бури и натиска». Несомненно, Пушкин знал драму Шиллера «Разбойники», мотивы которой обнаруживаются в «Дубровском». Как справедливо замечает Р.Ю. Данилевский, «для Пушкина наследие Шиллера в общем ассоциировалось с поэзией Жуков-

³ Насколько сильно закрепилось такое восприятие в русской культуре, можно судить по тому, как А.Н. Веселовский, исходя из контекста творчества Жуковского как «поэзии чувства и “сердечного воображения”», рассматривал Шиллера как «сентименталиста и идеалиста» [Веселовский 1918: 303].

ского; ассоциировалось, но не сливалось полностью, поскольку Пушкин умел понять и другого Шиллера — создателя “Разбойников” и оды “К Радости”. Во всяком случае, молодой Пушкин относился к романтизированному по-русски Шиллеру (а значит, к Шиллеру в переводах Жуковского десятых и начала двадцатых годов, то есть к Шиллеру-элегике) с легкой иронией. Она улавливается в тоне записки его к Жуковскому «штабс-капитану, Гете, Грею, / Томсону, Шиллеру привет!..» (1817–1820) и, конечно, в элегии Ленского. В отличие от многих своих современников, Пушкин не был, по видимому, окончательно убежден тем истолкованием Шиллера, которое предлагал Жуковский; он шел *через* переложения Жуковского к *своему* Шиллеру» [Данилевский 2013: 127–128].

Чтобы уточнить отношение Пушкина к Шиллеру, перейдем к рассмотрению непосредственно шиллеровских аллюзий, использованных Пушкиным при создании образа Ленского (в сочетании с французской элегической традицией и со «Страданиями молодого Вертера»). Герой с самого начала представлен полностью ориентированным на немецкую культуру: его лира воспламенена «Шиллером и Гете».

Интересно сравнить окончательный вариант экспозиции образа с его черновыми вариантами. В них гораздо сильнее акцентируется экспрессивность и страстность природы, бунтарство и политическая ангажированность поэта, свободолюбие почти революционного характера («**Крикун**, красавец и поэт», имеющий «дух пылкой, **благородный**», и привезший из «Германии **свободной**» «немного вольные/**неосторожные** мечты», любящий «страстей кипящих бурный пир» [Пушкин 1937: 267, 268]. Почти так же воспринимали Шиллера в кругу близких Пушкину московских «любомудров». Один из них, Д. Веневитинов, писал в 1827 году о Шиллере как о певце «пламенного, всегда необузданного восторга» [Веневитинов 1956: 144]. «Вольнолюбивые» мотивы звучат в большинстве драм Шиллера: помимо уже упоминавшихся «Разбойников», это «Заговор Фиеско в Генуе», «Дон Карлос», «Вильгельм Телль», где в той или иной форме звучат призывы к свержению тирании. В дальнейшем тексте «Евгения Онегина» «вольнолюбие» Ленского развития не получает.

В окончательном варианте бунтарство Ленского заметно смягчается: сохраняется «пылкость», «вольнолюбивые мечты, всегда восторженная речь», однако теперь он «**поклонник Канта** и поэт», наделенный «духом пылким и довольно **странным**», в то время как Германия уже названа «**туманной**» (туман в статье Кюхельбекера — неизбежная принадлежность элегического пейзажа).

Весьма характерна эволюция VII строфы 2-й главы:

Черновой вариант:

Он сердцем милый был невежда
Его лелеяла надежда
[И] мира новый блеск <и> шум
Обворожили юный ум —
Он [ведал] труд и вдохновенье
И освежительный покой
К чему то жизни молодой
Неизъяснимое влеченье,
Страстей [кипящих] буйный пир
И [бури их] и сладкий мир...

[Пушкин 1937: 267]

Окончательный вариант:

Он сердцем милый был невежда,
Его лелеяла **надежда**,
И мира новый блеск и шум
Еще пленяли юный ум.
Он **забавлял мечтою сладкой**
Сомненья сердца своего;
Цель жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой,
Над ней он голову ломал
И чудеса подозревал.

[Пушкин 1937: 34]

В контрасте с предыдущей, VI строфой, где говорилось о «вольнoлюбии» поэта, здесь живописуется его наивность и идеализм, теплота сердца и любовь к людям. Опять характерно направление переработки текста: убираются «бури» и «страстей [кипящих] буйный пир», а спокойная ясность ума («труд и вдохновенье / И освежительный покой») и философическое «К чему то жизни молодой / Неизъяснимое влеченье» заменяется *забавами сладкой мечтательности*, в результате образ сильно приближается к «сентиментальному» Шиллеру в прочтении Жуковского (эпитет *сладкий* — один из излюбленных Жуковским), в контексте переведенных последним “Die Ideale” («Мечты»): именно со строками оттуда, рисующими первоначальный юношеский порыв мысли и чувства (до разочарования), полностью согласуются горячие и пытливые сердечные искания Ленского⁴. Одновременно появляется иронический тон, относящийся к мечтателю а la Жуковский («Над ней он **голову ломал** / И чудеса **подозревал**»), который в 6 главе приобретет окончательную отчетливость в предсмертной элегии поэта.

Таким образом, мы можем проследить, как Пушкин при работе над текстом «сдвигает» образ Ленского в сторону прекраснoдушногo мечтателя (высмеянного Кюхельбекером). Создается ощущение, что автор хочет учесть все устоявшиеся интерпретации фигуры Шиллера, сталкиваясь с их несогласованностью между собой, вслед-

⁴ Ср.: «И неестественным стремленьем / Весь мир в мою теснился грудь; / Картиной, звуком, выраженьем / Во всё я жизнь хотел вдохнуть. / И в нежном семени сокрытой, / Сколь пышным мне казался свет. <...> // Как бодро, следом **за мечтою** / **Волшебным очарован сном**, / Забот не связанный уздою, / Я жизни полетел путем. / Желанье было — исполненье; / Успех отвагу пламенил: / Ни высота, ни отдаленье / Не ужасали смелых крыл» [Шиллер 1901: 377]. Выделенные нами строки прямо перекликаются с «мечтою сладкой» у Ленского. Здесь и далее тексты Шиллера в русских переводах приводятся по собранию сочинений Шиллера в четырех томах под редакцией С.А. Венгерова (СПб., 1901–1902).

ствии чего образ заметно варьируется от строфы к строфе. По мнению В.Э. Вацура, образ Ленского выстроен по шиллеровской концепции “Schöne Seele” (нем. «прекрасная душа», питающая естественную сердечную склонность к добродетели, а не принуждаемая к ней кантовским *долгом*), которой должна была быть свойственна сентиментальная мягкость, чувствительность и эмоциональная открытость. Позднее «движение “Бури и натиска” противопоставило сентиментализму принцип “полноты сердца», «резко отвергая предшествующий сентиментальный тип “прекрасной души”»; они требовали от поэзии изображения силы и страсти» [Вацура 1994: 35]. Примечательно, что творческая мысль Пушкина в данном случае двигалась в «обратную сторону», может быть, склоняясь к более привычному типу.

Обратим внимание также на строку «Его лелеяла надежда», которая несколько необычна по своему синтаксису: не указано, *на что* направлена «надежда», так что слово получает самодостаточность как полноценный концепт. Это позволяет видеть в нем отсылку к одноименному шиллеровскому стихотворению (“Die Hoffnung”, 1797). В нем есть строки, точно передающие содержание 5–12 строк данной VII строфы — упования Ленского на высокое назначение человечества. Прочитаем перевод М. Дмитриева (публ. «Вестник Европы» 1820, № 12) который мог быть знаком Пушкину:

Довольно о лучших, о будущих днях
Все люди твердят и мечтают:
Бегут и плывут, и летят на крылах
И к **цели** златой спешают!⁵
Стареет? и вновь молодеет сей свет,
А смертный с **Надеждой** — все лучшего ждет!
<...> То громкий глас сердца, вещающий нам,
Что к лучшему мы сотворены...

[Шиллер 1901: 433]

Шиллеровские мотивы отчетливо звучат и в следующих строфах, где раскрывается мировоззрение Ленского — его святая вера в идеалы *дружбы, любви и искусства*. Само слово «идеал», один из ключевых концептов, разрабатываемых Шиллером в лирике и философии, в одном из вариантов завершало X строфу, посвященную поэтическому творчеству Ленского [Пушкин 1937: 273], но затем исчезло. Вместо этого появилось пародийное перечисление мотивов

---

⁵ Выражение «к цели златой» является точным переводом шиллеровской строки: “Nach einem glücklichen goldenen **Ziel**”, поэтому употребление Пушкиным слова «цель» в одном контексте со словом «надежда» представляется не случайным.

сентиментальных элегий, якобы сочиняемых поэтом («Он пел разлуку и печаль, / И нечто, и туманну даль, / И романтические розы; <...>/ Он пел поблеклый жизни цвет, / Без малого в осьмнадцать лет»). Здесь Пушкин мог иметь в виду вторую часть песни «Мечты» Жуковского как перевод “Die Ideale” Шиллера, где поэт признается в «измене» первоначальных кумиров: Любви, Счастья, Истины и Славы:

Украдкой Счастье сокрылось;
Изменой Знание ушло;
Сомненья тучей обложилось
Священной Истины чело.
Я зрел, как дерзкою рукою
Презренный Славу похищал;
И быстро с быстрою весною

Прелестный цвет Любви увял.
И всё пустынно, тихо стало
Окрест меня и предо мной!
Едва Надежды лишь сияло
Светило над моей тропой.

[Шиллер 1901: 377]

При этом в последующих строфах говорится о том, что Надежда, Труд, и Дружба продолжают поддерживать шиллеровского героя. Таким образом, многочастное философское стихотворение “Die Ideale” по своему содержанию оказывается гораздо обширней и глубже «унылой» элегии в духе «Падения листьев» Мильвуа и предопределяет некоторую непоследовательность в развитии образа «шиллерианца» Ленского.

Идеалист Ленский «по-шиллеровски» верит во всё то, что отрицает «байронист» Онегин. Прежде всего, в святость истинной дружбы: «Он верил, что друзья готовы / За честь его приять оковы, / И что не дрогнет их рука / Разбить сосуд клеветника».

Набоков справедливо пишет, что здесь имеется в виду баллада Шиллера «Порука» [Набоков 1999: 255–256], в которой тиран Сиракуз приговаривает Дамона к распятию, но тот просит отпустить его на три дня, оставляя за себя в залог друга Пифия. Пифий добровольно следует в темницу, а потом, когда Дамон запаздывает, идет вместо него на казнь. Дамон возвращается в последний момент, спасая Пифия, и тиран, умилившись столь самоотверженной верной дружбе, прощает обоих и просит их принять его в их союз третьим. Также стоит назвать драму «Дон Карлос», где Маркиз Поза берет на себя вину Дон Карлоса, идет вместо него под арест и в конце концов гибнет ради спасения друга⁶.

⁶ Правда, в драмах Шиллера самая преданная дружба может быть «принесена в жертву» ради высших идеалов свободы. Так, вначале сам маркиз Поза фактически предает Карлоса и велит его арестовать, чтобы заставить друга отказаться от любви к королеве в пользу миссии освобождения Нидерландов. В «Заговоре Фиеско в Генуе» Веррина, сокрушаясь всем сердцем, убивает лучшего друга Фиеско, собравшегося сделаться диктатором Генуи. Таким образом, перед нами опять пример того, как романтизм Шиллера сопротивляется упрощенным трактовкам.

Описывая Ленского, Пушкин верно передает общий высокий настрой Шиллера, у которого любовь и дружба трактуются философски как дарующие бессмертие и возносящие человека до богов. В известном стихотворении Шиллера “Die Freundschaft”, отрывком из которого Гегель завершил свою «Феноменологию духа», *дружба* провозглашается силой, сотворившей мир и направляющей его к совершенству⁷. Священный союз становится для друзей смыслом и преображением жизни.

О, не та же ль мировая сила	Из миллионов выбрал — и ревниво
И меня, мой друг, соединила	Говорю: ты из миллионов мой!
В вечно-счастливый союз с тобой?	Пусть настанет света преставленья,
О, Рафаэль! пусть рука с рукою	Пусть все будет хаос и смешенье —
К солнцу духа я всегда с тобою	Ввек пребудет наш союз святой!
К совершенству путь свершаю	Не в твоих ли взорах, добрый гений,
свой!	Собственных желаний и стремлений
Я нашел тебя, о, час счастливый!	Отраженье вижу я?

[Шиллер 1901: 17]

Приведенный нами русский перевод Ф. Миллера был напечатан в 1857 г., но Пушкин мог ознакомиться с французскими переводами или воспринять общий пафос и философию дружбы Шиллера из бесед с друзьями, прежде всего с тем же Кюхельбекером.

Не менее сакральной для Шиллера была *любовь*. Воодушевление ею Ленского описывается Пушкиным в той же VIII строфе с еще более откровенной иронией. Безоглядная идеализация Ленским Ольги объясняется не столько ее реальными достоинствами, сколько желанием поэта обрести предмет для поклонения. Пример такого чувства герой мог взять в гимне «Торжество любви» (“Der Triumph der Liebe”, 1781) Шиллера или в его одах к Лауре. Стоит заметить, что, по свидетельству биографов Шиллера, роман с Лаурой (Луизой Фишер, у которой юный поэт снимал комнату) существовал скорее в пылком воображении Шиллера, вдохновлявшегося идеалом любви [Сафрански 2007: 123–125]. Так что Ленский, боготворя Ольгу, вполне следовал идеализму своего кумира и романтическому культу любви. В «Торжестве любви» рефреном повторяется тезис:

Счастливы любовью
Боги! — не любовью ль
Мы равны богам?

⁷ Как утверждает в финальной строфе «Дружбы», именно одиночество сподвигло Демидурга сотворить мир духов по своему образу и подобию: «Одинок был сам Отец творенья, / И — своих же качеств отраженье / Он духам бессмертным передал» [Шиллер 1901: 17].

С нею рай светлее;
С нею мир подлунный
Небом светит нам!

(пер. С. Шевырева 1827 г.)
[Шиллер 1901: 377]

Мысль Ленского о взаимной предназначенности Богом любящих друг другу («Он верил, что душа родная / Соединиться с ним должна, / Что, безотрадно изнывая, / Его вседневно ждет она») находит близкое созвучие в оде Шиллера «Тайна воспоминания (Лауре)» («Das Geheimnis der Reminiscenz. An Laura», 1781), навеянной «Пиром» Платона, где источник истинной любви возводится к «правечному» небесному единству двух душ, разделенных на Земле и жаждущих слияния, дабы составить вместе единую божественную «двоицу»:

Не в луче ль погасших звезд с тобою	<...> Мы — обломки дивного начала,
Были мы единою душою,	И не зная удовлетворенья,
Жизнию одною?	Ненасытно в нас живет влечение:
Да, мы были — внутренне была ты	К Божеству стремление.
В тех эонах (им же нет возврата)	От того-то вся преданность сча-
Связана со мною... <...>	стью —
В существе, соединенном тесно,	Вечно лнуть к устам с безумной
Взором вещим я прочел чудесно:	страстью,
Мы единым Богом неизменно,	Эта жажда пить твое дыханье,
Творческою силой вдохновенной	Слить с твоим свое существованье
Были во вселенной.	В вечное лобзанье.

[Шиллер 1901: 22]

Третий, и самый действенный для Шиллера путь обожествления человека — это художественное творчество: гений равен бессмертным богам, и силой искусства низводит, как небесную богиню, на Землю Красоту, преображающую уже все человечество, и ведет его за собой в высшие сферы. Для Шиллера «красота есть воплощенная истина: всякая духовная культура имеет источником чувство красоты, и высшее совершенство искусства есть цель культурного развития»⁸. Цивилизующую и спасительную роль искусства Шиллер постулирует в своем трактате «Об эстетическом воспитании человека» и в целом ряде программных стихотворений — «Художники» («Die Künstler»), «Счастье» («Das Glück»), «Идеалы и жизнь» («Das Ideal und das Leben»), «Власть песнопения» («Die Macht des Gesanges»). Торжественно и высокопарно звучащее восхваление по-

⁸ Венгеров С.А. Примечания к оде «Художники» (Шиллер т. I, с. 366).

этических гениев в VIII строфе 2-й главы отсылает к шиллеровским эстетическим концепциям: «Что есть **избранные судьбами**, / Людей священные друзья; / Что их **бессмертная** семья / Неотразимыми лучами, / Когда-нибудь, нас озарит / И мир **блаженством** одарит». В.Э. Вацуро видит в этих строках прямое отражение оды «К Радости» [Вацуро 1994: 34]. Но гораздо ближе к ним по содержанию шиллеровские стихи, непосредственно посвященные метафизике искусства и творчества.

Так, в переведенном Жуковским шиллеровском стихотворении «Счастье» говорится об избранности «еще до рождения любимых» богами гениев, блаженству которых не нужно завидовать, ибо они служат *красоте* и исполняют высшую цель всего человечества. Отчетливо звучит мотив *обожествления* художников, как античных героев, при жизни удостоившихся бессмертия:

Не сетуй, что дар песнопенья с Олимпа на избранных сходит;
Что сладкий певец вдохновеньем невидимой арфы наполнен:
Скрывающий бога в душе претворен и для внемлющих в бога;
Он **счастлив** собою — ты, им наслаждаясь, блаженствуй.
Пускай пред зеркалом Фемиды венок отдается заслуге —
Но радость лишь боги на смертное око низводят.
Где не было чуда, вотще там искать и **счастливица**.

[Шиллер 1901: 118]

Ленский, вслед за Жуковским и Шиллером, возносит «бессмертную семью» гениев до богов (отсюда ироническое выражение «людей священные друзья» — то есть уже преодолевшие глениое человеческое естество). Впоследствии у Пушкина перефразирует Шиллера Моцарт: «Нас мало избранных, **счастливицев** праздных, <...> единого прекрасного жрецов».

Явно перекликается с шиллеровским «Счастьем» фрагмент следующей IX строфы:

И Муз возвышенных искусства,
Счастливец, он не постыдил:
Он в песнях гордо сохранил
Всегда возвышенные чувства,
Порывы **девственной** мечты
И прелесть важной **простоты**⁹.

Ср. строки из перевода Жуковского:

---

⁹ Призыв вернуться в искусстве к простоте природы теоретически обосновывается в «Письмах об эстетическом воспитании человечества» Шиллера: «Характер времени должен подняться из своего глубокого унижения, избавиться, с одной стороны, от слепого насилия природы, с другой — возвратиться к ее простоте, истине и изобилию» [Шиллер 1901: 303].

«Бессмертные в славе чудесной себя открывают:
Им мил **простоты** непорочныя **девственный** образ».

[Шиллер 1901: 118]

Повторяющийся эпитет «возвышенный» («муз **возвышенных** искусство», «всегда **возвышенные** чувства») отсылает читателей к ключевому для эстетики Шиллера понятию *возвышенного* (см. трактат «О возвышенном»).

Метафора «неотразимых лучей», которыми гении «озаряют» человечество, многократно встречается в знаменитой оде Шиллера «Художники», где красота именуется «дивной богиней света», «сияющей с солнечного трона», открывая истину назначения человечества¹⁰: «Лишь **светлыми** прекрасного вратами / В мир чудный знания вступишь ты; / Чтоб **высший блеск** снести очами, / Постигни прелесть красоты» [Шиллер 1901: 37]¹¹.

Таким образом, описание идеалов Ленского целиком движется в русле философии и творчества Шиллера. Разумеется, не все перечисленные нами параллели могли быть осознанно проведены Пушкиным, однако сама их плотность и разнообразие свидетельствуют о том, насколько детально Пушкин ориентировался в творчестве Шиллера и как систематически выстраивал на шиллеровских мотивах образ своего героя.

При этом восторженность и идеализм мировоззрения Ленского противоречат описанию в соседствующей строфе его меланхолического «псевдоромантического» творчества, в духе критики Кюхельбекером элегической традиции Жуковского.

Далее по ходу романа «псевдоромантическая» интерпретация Шиллера получает решительное преобладание, когда в шестой главе перед дуэлью Ленский, открыв «при свечке Шиллера», сочиняет «унылую» элегию, состоящую из ставших шаблонными метафор русской и французской элегической поэзии, а по завершении ее засыпает «на модном слове *идеал*». Это дало возможность коммента-

---

¹⁰ Ослепительный свет *красоты*, через приобщение к которой гении ведут человечество к познанию истины, восходит к философии Платона, в диалоге «Государство» описывающего выход из пещеры к ослепительному свету красоты и истины. Отсюда следующее воззвание к «художникам» в оде Шиллера: «Ведите же его таинственной стезей / Через формы чистые, чрез звуков мир чистейший / Все к высшим высотам, все в красоте полнейшей / По чудной лестнице поэзии святой, / Чтоб на конце времен еще порыв живой, / Еще одно святое вдохновенье — / И человек повергся в упоенье / В объятья истины самой» [Шиллер 1901: 41].

¹¹ «Художники» цитируются нами в переводе Д.Е. Мина 1857 г. При жизни Пушкина из этой оды была переведена только одна строфа Шевыревым в 1827 году (то есть уже после написания II главы «Евгения Онегина»). Но, поскольку это одно из самых известных и программных стихотворений Шиллера, можно предположить знакомство Пушкина с ним во французских переводах.

торам связать стихотворение героя с уже упоминавшейся нами элегией Шиллера “Die Ideale” («Мечты. Песня» в переводе Жуковского), в первой же строфе которой присутствуют строки: «О дней моих весна золотая, / Постой... тебе возврата нет» [Шиллер 1901: 377]¹², очевидным образом перекликающиеся с началом стихов Ленского: «Куда, куда вы удалились, / Весны моей золотые дни?» [Набоков 1999: 598; Лотман 2000: 675]. Сопровождаются стихи уничижительным комментарием Автора, с повторением критики Кюхельбекера: «Так он писал *темно* и вяло / (Что романтизмом мы зовем, / Хоть романтизма тут ни мало / Не вижу я; да что нам в том?)».

У Шиллера действительно есть целый ряд стихов, перекликающихся по сюжету и мотивам с элегией Ленского — о безвременной кончине юноши и/или скорби близких на могиле: «Амалия» (“Amalia”), «Над свежеею могилой» (“Eine Leichenphantasie”), «Элегия на смерть юноши» (“Elegie auf den Tod eines Jünglings”), «Беглец» (“Der Flüchtling”), «Отречение» (“Resignation”), «Жалоба девушки» (“Des Mädchens Klage”). Однако при ближайшем рассмотрении видно, что стихотворение Ленского ближе скорее сентиментальному «Паденью листьев» Мильвуа или «Певцу» Жуковского по тону тихой грусти и смирению перед неизбежным. Разработка темы Шиллером отличается и экспрессивностью, и усложненным построением на контрастах частей: тут и ужас перед смертью («Над свежеею могилой»), и переход от ледяного отчаяния к гимну о Воскресении («Элегия на смерть юноши»), и дерзкий вызов Высшим Силам («Отречение»).

Особенно показательным в этом отношении стихотворение «Беглец», которое так же, как и элегия Ленского, написано от лица героя, готовящегося к смерти:

О, взыди, утренняя заря, и окрась	Блеснет заутра луч денницы
В пурпур своим поцелуем луг и долину,	И заиграет яркий день;
<...> Ах, утро — ты озаришь розовыми	А я — быть может, я гроб-
лучами	ницы
Луг смерти. И ты — Ах! — вечерняя заря,	Сойду в таинственную сень...
Погрузишь меня в долгий сон ¹³ .	

При внешней схожести мотивов, разница состоит в том, что герой Шиллера сам решил уйти из мира, подобно гетевскому Вер-

¹² У Шиллера первая строфа звучит: “So willst du treulos von mir scheiden / Mit deinen holden Phantasien, / Mit deinen Schmerzen, deinen Freuden, / Mit allen unerbittlich fliehn? / Kann nichts dich, Fliehende, verweilen, / O! **meines Lebens goldne Zeit?**” [Schiller 1943: 234].

¹³ “Steig empor, o Morgenroth, und röthe / Mit purpurnem Kusse Hain und Feld, / Säusle nieder Abendroth und flöte / Sanft in Schlummer die erstorb'ne Welt. / Mor-

теру. Поэтому он и назван «беглецом». Так наглядно демонстрируется психологическое различие между реальным Шиллером и его условной проекцией в спорах русской литературной среды середины 1820-х годов.

Важно также отметить, что, спародировав на примере Ленского традицию «унылой» элегии, автор неожиданно дает в качестве лирических отступлений одну за другой две похожие элегии от себя, так же жалея в них «о *прежнем*, о *былом*» — о рано ушедшей молодости с ее «сладкими» мечтами. Это завершающие XLIV–XLVI строфы 6-й главы («Познал я глас иных желаний...» и т. д.), будто в память об ушедшем Ленском, и далее II–III строфы новой, 7-й главы («Как грустно мне твое явленье...»). Автор будто свидетельствует, во-первых, что тематическое ядро элегической традиции всегда останется лирически актуальным; во-вторых, что объектом пародии был не сам Шиллер и даже не Жуковский, но их многочисленные эпигоны.

Вновь «высокие» шиллеровские темы звучат в своеобразном некрологе Ленскому в XXXVI–XXXVII строфах шестой главы («Друзья мои, вам жаль поэта...» и т. д.). Из арсенала шиллеровской фразеологии опять извлекается и «благородное стремление и чувств и мыслей молодых», и дразнящий воображение «призрак жизни неземной», и «святая тайна» творчества, и «животворящий глас» гения, который должен был служить «благу мира» и снискать «благословение племен». На сей раз иронии по поводу «идеалов» почти не ощущается, зато она заключена в противопоставлении «высоким» строфам последующей нарочито сниженной XXXVIII строфы («А может быть и то: поэта / Обыкновенный ждал удел...»).

Подведем некоторые итоги.

Зачастую трудно выделить конкретно шиллеровские мотивы из широкого общеромантического контекста, который вобрал в себя образ Ленского, но бесспорно их наличие и доминирование.

При создании образа Ленского получили отражение две противоречащие друг другу концепции восприятия Шиллера в русской культуре 1820-х годов: «возвышенная» идеалистическая (основанная на философском и «бунтарском» содержании *Sturm und Drang*) и «псевдоромантическая» элегическая. При этом сам Автор, очевидно, их до конца не разделяет и не противопоставляет, актуализируя при необходимости ту или другую. Проекция обеих в романе варьируется от иронического снижения до сочувственного приятия, что, наряду с их латентным конфликтом между собой, создает диалек-

---

gen — ach! du röthest / Eine Todenflur, / Ach! und du, o Abendroth umflötest / Meinen langen Schlummer nur” [Schiller 1943: 120]. Мы даем подстрочник, точнее отражающий текст, чем переводы XIX в.

тическую напряженность образа Ленского. Именно шиллеровские мотивы придают данному образу глубину.

И в случае Ленского, и в случае Онегина зачастую трудно до конца определить, где ирония Автора относится к самим героям, а где — в целом к культурной традиции и идеям, носителями которых они являются. Однако Шиллеру *напрямую* Пушкин не дает однозначно отрицательных оценок, которые позволяет себе по отношению к Байрону¹⁴. Не будем забывать также, что, в отличие от Онегина, Ленский близок Автору как *поэт*. Из очевидного сочувствия и сопереживания Автора Ленскому следует, что, несмотря на преобладание в романе байроновского идейно-художественного контекста и кажущуюся иронию Автора в отношении шиллеровской традиции, она представляла собой для Пушкина значимый возможный ориентир для развития русской литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб., 1994.
2. Веневитинов Д.В. Избранное. М., 1956.
3. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». Пг., 1918.
4. Веселовский Ю.А. Шиллер как вдохновитель русских писателей // Веселовский Ю. Литературные очерки. М., 1910. Т. 2. С. 1–18.
5. Гинзбург Л.Я. О лирике. Л., 1974.
6. Данилевский Р.Ю. Русский образ Фридриха Шиллера. К двухсотлетию со дня смерти поэта // Русская литература. 2005. № 4. С. 3–20.
7. Данилевский Р.Ю. Фридрих Шиллер и Россия. СПб., 2013.
8. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий // Лотман Ю.М. Пушкин. СПб., 2000. С. 472–762.
9. Набоков В.В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. Пер. с англ. под ред. А.Н. Николюкина. М., 1999.
10. Полевой Н. Очерки русской литературы: в 2 ч. Ч. 1. СПб., 1839.
11. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 6. М.; Л., 1937.
12. Сафрански Р. Шиллер, или Открытие немецкого идеализма. М., 2007.
13. Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., 1968.
14. Фукс-Шаманская Л.П. Фридрих Шиллер и русский шиллеризм. Рецепция творчества Фридриха Шиллера в России 1800–1820 годов. М., 2009.
15. Шиллер Ф. Собрание сочинений в 4 т. под ред. С.А. Венгерова. Т. I. СПб., 1901.
16. Эткинд Е.Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л., 1973.
17. Schillers Werke: National-Ausgabe. In 43 Bänden. B. I. Weimar, 1943.

REFERENCES

1. Vacuro V.E. *Lirika pushkinskoj pory. «Elegicheskaya shkola»* [Lyrics of Pushkin's time. The "Elegiac School"]. St. Petersburg, 1994. 240 p. (In Russ.)

---

¹⁴ Ср. XII строфу 3-й главы: «Лорд Байрон прихотью удачной / Облек в унылый романтизм / И безнадежный эгоизм».

2. Venevitinov D.V. *Izbrannoe* [Selected Texts]. Moscow, 1956. 259 p. (In Russ.)
3. Veselovskij A.N. V.A. *Zhukovskij: Poeziya chuvstva i «serdechnogo voobrazheniya»* [V.A. Zhukovsky: Poetry of feeling and “heart imagination”]. Petrograd, 1918. (In Russ.)
4. Veselovskij Yu.A. *Shiller kak vdohnovitel’ russkih pisatelej* [Shiller as the inspirer of Russian writers] // Veselovskij Yu. *Literaturnye ocherki* [Literary essays]. Moscow, 1910. Vol. 2, pp. 1–18.
5. Ginzburg L.Ya. *O lirike* [On lyrics]. Leningrad, 1974. (In Russ.)
6. Danilevskij R.Yu. *Russkij obraz Fridriha Shillera. K dvuhsotletiyu so dnya smerti poeta* [The Russian image of Friedrich Schiller. To the bicentennial of the poet’s death]. *Russkaya literatura*. № 4, 2005. pp. 3–20. (In Russ.)
7. Danilevskij R.Yu. *Fridrih Shiller i Rossiya* [Friedrich Schiller and Russia]. St. Petersburg, 2013. (In Russ.)
8. Lotman Yu.M. *Roman A.S. Pushkina «Evgenij Onegin». Kommentarij* [A.S. Pushkin’s novel “Eugene Onegin”. Comments]. Lotman Yu.M. Pushkin. St. Petersburg, 2000, pp. 472–762. (In Russ.)
9. Nabokov V.V. *Kommentarii k «Evgeniyu Oneginu» Aleksandra Pushkina* [Comments on “Eugene Onegin” by Alexander Pushkin]. Moscow, 1999. 1008 p. (In Russ.)
10. Polevoj N. *Ocherki russkoj literatury: v 2 ch.* [Essays of Russian literature: in 2 Parts]. Part 1. St. Petersburg, 1839 (In Russ.)
11. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenij: v 16 t.* [Complete works: In 16 vol.]. Vol. 6. Moscow, Leningrad, 1937 (In Russ.)
12. Safranski R. *Shiller ili Otkrytie nemeckogo idealizma* [Schiller or The Discovery of German idealism]. Moscow, 2007 (In Russ.)
13. Tynyanov Yu.N. *Pushkin i ego sovremenniki*. Moscow, 1968. (In Russ.)
14. Fuks-Shamanskaya L.P. *Fridrih Shiller i russkij shillerizm. Recepciya tvorchestva Fridricha Shillera v Rossii 1800–1820 godov* [Friedrich Schiller and Russian Schillerism. Reception of Friedrich Schiller’s work in Russia in 1800–1820]. Moscow, 2009. (In Russ.)
15. Shiller F. *Sobranie sochinenij v 4 t.* [Works in 4 Vol.]. Edited by S.A. Vengerov. Vol. I. St. Petersburg, 1901. (In Russ.)
16. Etkind E.G. *Russkie poety-perevodchiki ot Trediakovskogo do Pushkina* [Russian poets-translators from Trediakovsky to Pushkin]. Leningrad, 1973. 247 p. (In Russ.)
17. Schillers Werke: National-Ausgabe. In 43 Bänden. Weimar: Verlag Hermann Böhlaus. Band I. 1943.

Поступила в редакцию 08.02.2024

Принята к публикации 13.02.2024

Отредактирована 09.03.2024

Received 08.02.2024

Accepted 13.02.2024

Revised 09.03.2024

ОБ АВТОРЕ

Криницын Александр Борисович — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; derselbe@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexandr Krinitsyn — Prof. Dr., Department of Russian Literary History, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; derselbe@list.ru